

Даже несмотря на заверения Валентина, что подозрение на них не падет, они не спешили возвращаться. Гейл набросил на плечи форменную куртку Высшей школы Освильд, чтобы скрыть перебинтованную, залитую кровью руку. К счастью, Колби Мальц уже успел отключить все ближайшие системы слежения и сигнализации, что избавило их от лишних хлопот.

Они направились в класс для самостоятельных занятий — тот самый, где Валентин уже переписал записи камер. Маршрут выбрали самый уединенный. По пути Валентин сдвинул временные метки на уличных датчиках на пять минут назад. Пользуясь взломанной Звездной сетью как невидимым проводником, они ловко разминулись со случайными прохожими и благополучно добрались до пустого кабинета.

Безупречное алиби строилось не только на талантах Валентина. Он использовал технологии, далеко опережавшие нынешнюю эпоху, и, разумеется, задействовал ресурсы Звездной сети.

Научные достижения и инфосети этого времени почти целиком находились под колпаком Звездной сети. Гейл ловил себя на мысли, что этот технологичный мир в чем-то уступал его родному, «древнему» веку. В будущем само понятие частной жизни практически испарилось — казалось, в небесах неусыпно бодрствует некое всевидящее око.

Но их ранг в Звездной сети соответствовал классу «А». Об этом не имел права знать даже маршал Кордон. Свод законов гарантировал гражданам конфиденциальность, и Валентин прекрасно умел этим пользоваться. Допуск к информации о статусе имели только сотрудники Управления Звездной Сети, да и то им открывался лишь сам маркер ранга. Проверить, чем именно занимается пользователь класса «А», они не могли при всем желании.

Валентин знал внутреннюю кухню Управления Звездной Сети как свои пять пальцев. Чиновники там сидели на редкость спесивыми; для них какой-то Морган Кордон, заслуживший в галактике славу «маршала-бандита», был пустым местом, ради которого никто не стал бы нарушать инструкции.

О влиянии клана Мальц, из которого происходил Колби, и говорить не приходилось.

Они оставались в кабинете до тех пор, пока по школе не завыла сирена тревоги. Лишь тогда они «послушно» вняли предупреждениям дежурного робота-информатора и поспешили к себе в общежитие.

Лань Фу в комнате не оказалось, что принесло немалое облегчение.

— Живее, Гейл, дай мне взглянуть на твою рану! — с порога сурово потребовала Вивиан.

Пусть она и оказала ему первую помощь на ходу, остановив кровотечение, прошло уже

достаточно времени, и повязку требовалось сменить. Взрывные световые пистолеты обладали колоссальной убойной силой. Хотя они и не оставляли в теле осколков, разрушения от них были куда серьезнее, чем от обычного свинца. Термические ожоги в месте попадания требовали тщательной дезинфекции и ухода.

«И как мне это ей объяснить?» — растерялся Гейл.

«Пока шел бой, рана всю кровоточила, отнимая очки здоровья из-за дебаффа горения. Но стоило выйти из режима боя... да еще посидеть спокойно в кабинете... Черт, признаваться в таком не хотелось, но от повреждения на руке, небось, и следа не осталось».

Рука ведь больше совершенно не болела.

— С ним все в порядке, — Валентин решительно увлек Гейла за собой вглубь комнаты. — Не переживай, Вивиан. Если что-то понадобится, я позову.

Проводив их взглядом за дверь, Вивиан хмыкнула и пожала плечами:

— Какая трогательная забота. Ладно, намек понят, Гейл целиком под твоей опекой.

Сказать по правде, оба парня мало интересовали Вивиан как мужчины. Один — угрюмый, неразговорчивый драчун, от которого слова не добьешься; умеет разве что махать кулаками да стоять у плиты. Второй — утонченный и обходительный лишь снаружи, а внутри испорчен настолько, что даже у нее мороз шел по коже. Связываться с таким — себе дороже. Так что со спокойной душой оставив Гейла на попечение Валентина, девушка скрылась в своей комнате.

По здоровому цвету лица Гейла она и сама видела: этот толстокожий тип в полном порядке, никаких признаков кровопотери. К тому же она не сомневалась в своих навыках оказания первой помощи. А лезть к этой «парочке» со своей заботой было бы верхом глупости.

Обычно Вивиан спала по полчаса после обеда, но сегодня ей было не до отдыха. Убедившись, что Валентин действительно не нуждается в ее помощи, она наконец перевела дух. В этом холодном мире людей, которые были ей по-настоящему дороги, почти не осталось. Гейл и Валентин — вот и все, кто у нее был. Разумеется, ей не хотелось втягивать их в свои неприятности, но извиняться за случившееся Вивиан не собиралась. Случись подобное с кем-то из них, она сама, не раздумывая ни секунды, бросилась бы на выручку. Настоящим друзьям извинения не нужны.

— Я правда в порядке, — повторил Гейл, когда они остались наедине.

Валентин молча забрал у него куртку:

— Покажи руку.

Делать было нечего. Гейл стянул изорванную, пришедшую в негодность рубашку, обнажив крепкий, бледный торс. Валентин аккуратно размотал окровавленный бинт, провел по предплечью влажным полотенцем и замер.

Кожа была абсолютно чистой. Ни царапины, ни ожога — ничего.

«И как мне теперь выкручиваться?» — лихорадочно соображал Гейл.

«Такая регенерация даже для этого безумного будущего выглядит слишком странно...»

Валентин вскинул взгляд. Гейл все еще напряженно пытался придумать хоть сколько-нибудь правдоподобное оправдание.

То, что они стояли непозволительно близко друг к другу, Гейла ни капли не смущало — к подобному он давно привык. На Уране им приходилось спать в одной постели. Пусть Валентин частенько использовал его вместо мягкой подушки-обнимашки, Гейл засыпал мгновенно и спал смирно. Если это помогало измученному бессонницей Валентину нормально отдохнуть, он был только за. Да и выбрать в тех суровых условиях не приходилось.

Вот и сейчас, ощущая на своей коже теплое дыхание Валентина, Гейл вел себя совершенно естественно и открыто.

И именно в этот момент Валентин подался вперед и мягко коснулся губами уголка его рта.

Гейл мгновенно оцепенел, обратившись в безжизненное изваяние. В голове у него помутилось, мысли смешались в нелепый ком, а глаза округлились от шока.

Случись нечто подобное года полтора назад, Гейл без лишних слов вышвырнул бы наглеца за дверь — по части грубой физической силы Валентин ему знатно уступал. Но теперь все изменилось. Гейл абсолютно доверял партнеру, и в глубине его души зашевелилось какое-то странное, незнакомое доселе чувство.

Что это вообще такое?

Валентин прищурился и мягко улыбнулся. Улыбка на удивление шла его лицу, а изумрудные глаза, обычно холодные, потеплели, напоминая подернутую легкой рябью гладь весеннего озера. От этого взгляда перехватывало дыхание.

Пока Гейл пытался справиться со ступором, Валентин скользнул кончиком теплого влажного языка по его губам. Это мимолетное прикосновение отозвалось в груди Гейла внезапным жаром. Словно невесомое перышко щекотно задело самое сердце, вызвав сладкую, томительную дрожь, от которой стало не по себе.

— Валентин... — Гейл попытался заговорить, но собственный голос показался ему чужим — хриплым, глубоким и до нелепого севшим.

— М-м-м? — вопросительно протянул Валентин, лукаво изогнув бровь. От этой интонации у Гейла окончательно занемели руки и ноги.

Он резко отшатнулся и, отчаянно борясь со смущением, выпалил:

— Я... я пойду! У меня все нормально!

Валентин лишь тихо, с наигранной грустью вздохнул:

— Тебе так неприятны мои прикосновения?

Гейл, спасаясь бегством, рванул к выходу, на ходу бормоча нелепые отговорки:

— Да нет, просто... я, пожалуй, пойду к себе. Прилягу на полчаса.

Валентин с мягкой улыбкой проводив взглядом его поспешно удаляющуюся спину и пунцовые кончики ушей. Когда дверь за Гейлом захлопнулась, он едва слышно прошептал:

— Не зря я так долго ждал... Какая прелестная, неожиданная чистота...

Как ни крути, Валентин всегда обладал выдающимся аналитическим умом и читал чужие души как открытую книгу. Еще на мусорной планете Земля, едва очнувшись, он по одной лишь обстановке комнаты безошибочно определил историческую эпоху. А когда он понаблюдал, как уверенно Гейл пользуется архаичными способами готовки и как непринужденно держится, то сразу догадался: этот парень родом из совсем других времен. Позже стоило лишь слегка прощупать почву, как этот простофиля тут же выдал себя с потрохами.

Сперва Валентин счел его наивным простаком, которого легко обвести вокруг пальца. Но реальность оказалась куда тоньше. Гейл действительно отличался прямоотой и искренностью, но это не делало его послушной марионеткой. Напротив, внутренние стены, которыми он отгородился от мира, были повыше и покрепче, чем у Вивиан. Он мог смотреть сквозь пальцы на многие вещи, но горе тому, кто посмеет переступить его личные границы.

Валентин вовремя понял, что правила игры Гейла лучше не нарушать. Время показало, насколько верным было это решение. А значит, нужно просто набраться терпения. Если варить лягушку на медленном огне, она и не заметит, как окажется на блюде. Торопиться ему абсолютно некуда.

«А ведь его физиология поистине уникальна. Может, раздобыть пару образцов для

исследований?»

Валентин задумчиво прикусил губу. Теперь становилось ясно, почему Гейл способен вызывать столь поразительные резонансы в энергетических блоках мех. Даже признанные мастера пилотирования, владеющие боевыми искусствами, вроде той же Вивиан, близко не стояли рядом с ним по эффективности в ближнем бою. Секрет явно крылся в особенностях его организма.

Валентин медленно провел кончиком языка по губам. Судьба преподнесла ему поистине бесценный подарок — самое интригующее существо в этой изученной вселенной. Одна мысль об этом заставляла кровь бежать быстрее. Давным-давно в нем крепло непреодолимое желание изучить это тело до мельчайшего изгиба, ощутить его под своими пальцами, исследовать губами... Но спешить нельзя. Рано или поздно этот шанс представится.

Гейл тем временем лежал на кровати в своей комнате, уставившись в потолок. Сон к нему, разумеется, не шел.

«Тебе так неприятны мои прикосновения?»

Гейл понятия не имел, как реагировать на эти слова. За обе свои жизни он ни разу по-настоящему не любил. Единственным его романтическим опытом было сомнительное амплуа «запасного варианта» для одной взбалмошной девицы. Но больше всего его сбивало с толку то, что поцелуй Валентина не вызвал у него отторжения.

Ему просто было чертовски неловко и непривычно.

От Валентина всегда пахло едва уловимой, прохладной свежестью. Гейл слишком хорошо знал форму его сильных ладоней с длинными пальцами, упругость его подтянутого, крепкого тела. Пусть Валентин казался излишне стройным на его фоне, физически он был безупречно сложен — под свободной одеждой скрывалась великолепная мужская фигура.

Натянув одеяло на самое лицо, Гейл невольно вспомнил, как Валентин, едва выйдя из душа, обнимал его во сне, и глухо вздохнул. Довериться кому-то и впустить в свою жизнь не так уж сложно. Страшило другое: горький опыт прошлого нашептывал, что те, кто сегодня клянется в нежных чувствах, завтра могут превратиться в кусок безразличного льда.

Возможно, Валентин действительно испытывал к нему симпатию, но Гейлу порой чудилось за этим нечто иное — какая-то глубинная, пугающая одержимость, выходящая за рамки привычной влюбленности. И он даже не догадывался, насколько был прав. Для Валентина это влечение стояло несоизмеримо выше банальной «любви». Он сам по себе являлся аномалией, чудовищем, чей разум не подчинялся общепринятым меркам. Гейл заставлял содрогаться саму его суть, будоражил его интеллект и инстинкты — и эта жажда обладания превосходила любые человеческие привязанности.

— И почему вокруг такая тишина? — не выдержал Гейл на следующее утро, когда они втроем устроились за столом в столовой.

Валентин, ограничившись чашкой чая «Эрл Грей», лениво пролистывал утреннюю ленту новостей:

— Напротив, полное затишье — самый естественный исход.

— Замяли дело, что тут думать, — Вивиан безразлично помешивала ложечкой молоко в стакане.

Гейл озадаченно нахмурился.

— Покровители Высшей школы Освильд имеют куда больший вес в верхах, чем семейство Колби, — пояснил Валентин, не отрывая взгляда от экрана. — Разумеется, никто не допустит скандала.

Вивиан понимающе кивнула и поднялась из-за стола:

— Ладно, мне пора на занятия. Хоть Буниля наконец-то убрали из школы, теперь вздохну свободно. Находиться с ним в одном помещении было невыносимо.

Едва за ней закрылась дверь, Гейл заговорщически понизил голос:

— Ты правда уверен, что в изначальном варианте будущего Вивиан должна была выйти замуж за этого Буниля?

— Абсолютно, — отозвался Валентин.

Гейл недоверчиво покачал головой:

— Да ладно... Вообще не укладывается в голове.

— О, вкусы нашей милой Вивиан — тема весьма специфическая, — многозначительно хмыкнул Валентин. — Ее всегда тянуло к нежным, беззащитным юношам. Взять хотя бы Буниля Пайна, которого нещадно травил наглый сводный братец. Или взять ее вторую пассию — обделенного отцовским вниманием младшего сына одного высокопоставленного чиновника. К слову, тот брак оказался самым удачным: парень отличался кротким нравом, приятной внешностью и благородным происхождением. Позже в ее фаворитах числился тихий ученый-сухарь, а под

конец жизни она и вовсе сошлась с невероятно миловидным, трогательно ранимым актером. С Бунилем у них не сложилось лишь потому, что тот, ослепленный жаждой мести брату, со временем превратился в злобного, ограниченного интригана. Он потерял ту душевную чистоту, которая когда-то заморозила Вивиан. По сути, ей нравятся мужчины ведомые, не слишком сильные духом и инфантильные, но при этом кристально простые и понятные.

Любые сложные натуры с двойным дном и кучей тайн вызывали у нее лишь отторжение. Разумеется, смазливое личико тоже входило в список обязательных требований. Тот же Буниль Пайн обладал на редкость утонченной, почти женственной красотой. Да, он уступал твоей мужественности или моей элегантности, но среди сверстников выделялся сразу. Исходя из этого, мы с тобой, Гейл, в ее хит-параде идеальных партнеров с треском пролетаем.

Гейл лишился дара речи. Представить суровую Вивиан рядом со «слабым и беззащитным» цветочком у него никак не получалось. Сама мысль о том, что ей нравятся ранимые, хрупкие мальчики, заставила его внутренне содрогнуться от нелепости картины.

Оставшаяся часть дня в Высшей школе Освильд прошла на удивление тихо. Изгнанный из класса Колби больше не появлялся, несколько отпрысков влиятельных семей внезапно забрали документы, а Буниль Пайн спешно оформил академический отпуск на месяц «по семейным обстоятельствам». Пыль улеглась, жизнь вернулась в привычное русло.

И лишь один человек пребывал в состоянии глухой, нарастающей паники — профессор Лио Виблен.

— Зеленый чай со звездной синей травой, — хриплым голосом озвучил он заказ роботу-официанту.

— Профессор Виблен, на вас лица нет. Что-то случилось? — сидевшая напротив девушка встревоженно всматривалась в его осунувшееся лицо своими огромными красивыми глазами.

Виблен попытался выжать из себя успокаивающую улыбку:

— Ничего особенного, Филлис, просто навалилось много работы. Зачем ты просила о такой срочной встрече?

— Понимаете, профессор, я... — Девушка торопливо вывела на проекционный экран свою медицинскую карту, намереваясь что-то объяснить, как вдруг их разговор бесцеремонно прервал ледяной мужской голос:

— Мне бы тоже очень хотелось послушать, какие у нее к тебе дела, Лио.

Лио Виблен вздрогнул и резко вскочил с места. Прямо перед ним высилась мощная фигура статного мужчины.

Это был его законный супруг — Цзян Шэньчжи, преподаватель кафедры тактического командования школы Освильд. Его статус внушал трепет: родной внук вице-адмирала Косы, чей старший брат, полковник Цзян Шэньфан, занимал пост заместителя командующего Второй армией Легиона Серебряной Звезды.

У Лио Виблена не было ни единого шанса противостоять человеку такого калибра, хотя втайне от всех его всегда привлекали исключительно женщины.

— Кстати, Лио, — вкрадчиво, почти нежно произнес Цзян Шэньчжи, делая шаг вперед. — До меня дошли слухи, что ты подал рапорт в Генеральный штаб. Неужели метишь в Седьмую армию под начало генерал-майора Пайна?

Лио Виблен обвел взглядом мужа и застывших у него за спиной коллег по академии. В коленях предательски поселилась слабость. В этот миг ему показалось, будто чья-то невидимая рука медленно, но неумолимо подталкивает его к краю бездонной пропасти. И у него не оставалось сил даже на то, чтобы сделать вдох и попытаться возразить.

<http://bllate.org/book/19793/2000888>